

Прождав снаружи почти два часа, А Ци наконец увидел, как из дома, спотыкаясь, вышел мужчина в красном одеянии. Быстро подбежав, он поддержал Ань Жуна и, не говоря ни слова, проводил его из усадьбы, после чего они сели в паланкин и вернулись во Двор Вечной Весны.

Стояла лютой зимой, холодный ветер пронизывал до костей, забираясь в самое сердце. А Ци, шедший следом за паланкином, дрожал от холода. Простояв два часа в беседке, он промерз до костей и теперь не мог остановить дрожь.

Полночь. В главном зале Двора Вечной Весны царило оживление. Мужчины и женщины обнимались, и это уже никого не удивляло. Увидев вернувшегося Ань Жуна в красном наряде, но с бледным лицом, юные куртизаны не могли скрыть зависти, а клиенты, напротив, смотрели на него с вожделением, словно хотели проглотить. Только когда он поднялся наверх и скрылся из виду, они успокоились. В зале снова зазвучала музыка, и все вернулись к своим утехам.

Резная деревянная дверь с грохотом захлопнулась. А Ци пристально смотрел на Ань Жуна, сидевшего на мягком ложе и слегка опиравшегося на подоконник. Сердце А Ци сжалось: он никогда не видел Господина Лина таким уязвимым. Ни его льстивый образ перед людьми, ни холодная отстраненность в одиночестве — ничто не могло сравниться с этим видом полной безысходности. С момента возвращения в комнату Ань Жун не проронил ни слова. А Ци чувствовал его боль, но не знал, как его утешить, и потому просто молча стоял рядом.

Спустя долгое время Ань Жун наконец заговорил:

— Приготовь горячую воду.

Услышав приказ, А Ци бросился готовить воду. Когда он вернулся с большим ведром, Ань Жун все еще сидел у окна, но в руках у него был кусок нефрита. Он внимательно рассматривал его, потом прижал к груди, к самому сердцу, и его глаза наполнились кровавым блеском.

Пока А Ци готовил воду, он придумал множество слов, но, увидев этот кровавый взгляд, не смог вымолвить ни одного, только выдавил:

— Вода... готова.

Внезапно Ань Жун поднял глаза и уставился на А Ци:

— Ты думаешь, я грязный?

— Нет.

Это была правда.

Ань Жун горько усмехнулся, и печаль в его глазах стала еще глубже:

— Что ты, раб-черепаша, можешь знать? Подойди.

А Ци подошел и сел на край ложа, его лицо выражало тревогу. Ань Жун, глядя на его подавленный и озабоченный вид, почувствовал странное волнение и, ущипнув А Ци за щеку, сказал:

— Слишком худой, кости торчат.

— Когда ты на мне лежал, они тебе мешали? — глупо спросил А Ци.

Это было неожиданно. Ань Жун не знал, был ли тот действительно глуп или просто притворялся, но это не имело значения. Он убрал руку и улыбнулся:

— Да, очень мешали.

— Тогда я буду больше есть.

Сказав это, А Ци потер нос и смущенно добавил:

— От тебя хорошо пахнет.

— Что за запах? Запах похоти? Или запах Лян Жифэна?

А Ци замотал головой, как волчок. Ему было больно. Он ненавидел, когда Ань Жун унижал себя, даже если тот издевался над ним, это было лучше, чем такие слова.

Внезапно А Ци схватил руку Ань Жуна и вложил ее в свой халат. Его ясные глаза говорили, что он точно знал, что делает:

— Господин Лин, если ты не против, я хочу...

Его голос стал тише, и он не закончил.

— Хочу что? — голос был хриплым.

— А Ци... хочет быть с тобой всю жизнь.

Ань Жун замер, затем холодно усмехнулся, его голос был спокоен, но слова ранили:

— Но ты не достоин. Как я могу быть с рабом-черепашкой всю жизнь?

А Ци замолчал. Его сердце действительно было ранено, и рана была глубокой. Впервые в жизни он почувствовал злость на небо, на землю, на своих родителей. Если бы он был сыном богатой семьи, он мог бы быть достойным Господина Лина. Эти безумные и униженные мысли, как снежный шквал, проникли в его кости в этом холодном декабре.

— Вода готова.

А Ци сменил тему, избегая слов, ранящих его достоинство. Муравей живет по-своему.

Выражение лица Ань Жуна слегка изменилось. Он снял с себя красный халат и внутреннюю одежду, быстро разделся донага и шагнул в деревянную бочку, погрузившись в воду с головой. А Ци, не видя его, обеспокоился и подошел, но обнаружил, что лицо Ань Жуна полностью под водой. Подумав, что тот хочет покончить с собой, А Ци испугался и хотел вытащить его. Но вдруг —

Бульк!

Вода брызнула во все стороны, когда Ань Жун вынырнул. Его лицо было мокрым, и капли воды подчеркивали его красоту. Он посмотрел на ошеломленного А Ци, приподнял бровь:

— Раздевайся и заходи.

А Ци пришел в себя и успокоился. Главное, что тот не сделал ничего глупого. Быстро

раздевшись, он робко вошел в бочку.

Пар поднимался, и лица обоих стали нечеткими. Парящая вода скрывала грубые движения под ней. То Ань Жун издавал стоны, то А Ци не мог понять, боль это или удовольствие, и тихо кряхтел. Это продолжалось целый час, пока вода в бочке не остыла.

Придя в себя, А Ци подумал только об одном: этот человек действительно любит заниматься этим в воде. Это уже второй раз. Затем он крепко уснул...

Проснувшись, А Ци увидел, что уже утро. Солнечный свет проникал через бумажные окна, освещая комнату. Он посмотрел на человека рядом с ним и на мгновение растерялся, вспоминая прошлую ночь. Он устал и уснул, а тот, наверное, перенес его на кровать. При этой мысли его сердце наполнилось радостью... Этот человек, как нефрит, теперь был его мужчиной. А Ци чувствовал себя счастливым, и все его прошлые двадцать лет жизни казались не напрасными.

Спящий внезапно открыл глаза и уставился на А Ци. Сердце А Ци забилось сильнее. Это было время тишины и близости между ними.

Собравшись с духом, А Ци подошел и легонько поцеловал Ань Жуна. Их губы коснулись, и А Ци почувствовал мягкость, которая снова наполнила его радостью.

— Я... я действительно счастлив. Даже если бы мне пришлось умереть сейчас, это было бы того стоит.

А Ци, как влюбленный юноша, спешил выразить свою глубокую любовь.

Глядя на молчащего мужчину, А Ци продолжал говорить, желая рассказать ему все о себе.

— Мой дом находится в уезде Шуян, недалеко от города Гуанлин. Каждую весну, в марте и апреле, везде цветут рапсовые поля, и воздух наполняется ароматом цветов. Если будет возможность, мы поедем туда жить. Небольшого домика будет достаточно...

— Я второй ребенок в семье. У меня есть старший брат, ты его видел, и младшая сестра. Я не близок с ними, и нам больше не нужно с ними общаться. Мы будем жить спокойно, не обращая внимания на родственников...

А Ци говорил много и долго, но Ань Жун не отвечал. В конце А Ци добавил:

— Я все равно хочу быть с тобой всю жизнь. Если ты презираешь меня, пусть так... Я все равно буду с тобой...

Услышав это, Ань Жун наконец отреагировал. Его лицо не выражало эмоций, но он резко поцеловал А Ци, без малейшего намека на сдержанность, как утопающий, ухватившийся за соломинку.

Сердце А Ци растаяло. Он страстно отвечал на поцелуй, отдавая всю свою любовь и надежду. Но тогда А Ци не мог знать, что этот поцелуй был лишь выплеском долгого одиночества и отчаяния. Это не была любовь. Но А Ци не знал этого, и никто ему не сказал.

Авторское примечание: Двадцать вторая глава еще не дописана, я хотела сохранить ее в черновиках, но случайно нажала «опубликовать», поэтому пришлось ее заблокировать... Плачу от собственной глупости. Завтра допишу и обновлю, тогда и разблокирую.

<http://bllate.org/book/16237/1459394>